

90 лет
Саратовскому
университету

ПИСЬМА ПРОФЕССОРА В.Д. ЗЁРНОВА ПЕРИОДА ОТКРЫТИЯ И СТАНОВЛЕНИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА 1909 – 1914

Владимир Дмитриевич Зёрнов (1878–1946) – доктор физико–математических наук, один из семи первых профессоров открытого в 1909 году Саратовского университета, ученик и последователь знаменитой русской школы физиков, во главе которой стоял П.Н. Лебедев, прожил яркую и интересную жизнь.

Родившись в профессорской семье, несколько поколений которой внесли существенный вклад в становление и развитие отечественного университетского образования, он с ранних лет, сначала косвенно, присутствуя при разговорах старших, а затем, став студентом и преподавателем, вполне осознанно окупился в самую гущу университетской жизни. В выборе будущей профессии, а точнее призвания, определяющее значение для юноши несомненно имел живой пример его отца, профессора анатомии и ректора (1898–1899) Московского университета Д.Н. Зёрнова. Благодаря многогранному таланту – ученого, педагога, общественного деятеля – и весьма прогрессивным для своего времени взглядам Дмитрий Николаевич пользовался большим авторитетом в среде московской научной интеллигенции. Немалую роль также сыграл и пример деда, профессора чистой математики того же университета Н.Е. Зёрнова (1804–1862), который, по свидетельству Н.А. Любимова, «... любил университет, чтил его обычаи и всегда готов был принять участие во всяком заявлении в честь дорогого учреждения»¹.

По окончании в 1897 году гимназии Владимир Дмитриевич поступил на физико–математический факультет Московского университета. К этому времени относится возникновение крепкой дружбы студента Зёрнова и профессора физики П.Н. Лебедева. На всю жизнь он сохранил самые теплые чувства к своему первому наставнику и другу, а о своей работе в лаборатории Лебедева всегда вспоминал как о самых лучших годах своей научно–творческой деятельности.

Под руководством П.Н. Лебедева В.Д. Зёрнов готовит и в 1902 году представляет в Государственную испытательную комиссию два научных сочинения: «Тепловая диссоциация» и «Определение декремента затухания акустических резонаторов». В том же году он оканчивает университет с дипломом 1–ой степени и по рекомендации П.Н. Лебедева оставляется при кафедре физики Московского университета «для приготовления к профессорскому званию».

Работая одновременно в физической лаборатории и в Московской частной женской гимназии Н.П. Щепотьевой преподавателем физики, Владимир Дмитриевич добивается в 1904 году первого крупного успеха в науке. Его работа «Сравнение методов измерения звуковых колебаний в резонаторе», представленная в Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете, была отмечена премией имени В.П. Мошнина².

Двумя годами позже вышел и первый печатный его труд на немецком языке: «Uber absolute Messung der Schallintensität» («Сравнение методов измерения абсолютной силы звука»), напечатанный в журнале «Annalen der Physik»³. А в 1909 году В.Д. Зёрнов защитил диссертацию на тему «Абсолютное измерение

силы звука» и получил ученую степень магистра физики, после чего его избирают приват-доцентом Московского университета и командируют за границу с факультетской стипендией «для усовершенствования в науках». Он работал в Гейдельберге, изучал постановку преподавания физики в высших учебных заведениях Германии и Англии. Ему посчастливилось присутствовать на лекциях Рентгена, Денара, познакомиться с исследованиями в лабораториях Резерфорда (Манчестер), Дж. Дж. Томсона (Кембридж) и Рикке (Геттинген).

Несмотря на молодость, В.Д. Зёрнов уже в начале научной карьеры сумел заявить о себе крупными и оригинальными исследованиями, сразу же обратив на себя внимание ведущих ученых физиков как внутри России, так и за ее пределами. И когда в 1937 году решался вопрос о присвоении ему степени доктора физико-математических наук без защиты диссертации, чл.-корр. АН СССР Н.Н. Андреев особенно выделил работы, выполненные им именно с 1905 по 1909 год, подчеркивая, что «до них сколько-нибудь надежных способов измерения силы звука не существовало»⁴.

Саратовский период жизни и деятельности ученого берет начало с 1 (14) июля 1909 года, когда он «высочайшим приказом» был назначен и.д. экстраординарного профессора Саратовского университета по кафедре физики⁵.

Среди первых семи профессоров Владимир Дмитриевич был самым молодым – ему исполнился только 31 год, но это не помешало ему обнаружить в себе недоожинные организаторские способности, умение убеждать в необходимости принятия того или иного решения. Его личная распорядительность и оперативность в доставке оборудования на место позволили в кратчайшие сроки, уже в конце сентября 1909 года, начать чтение курса физики не «мелового», как говорится, а экспериментального, с демонстрацией всех необходимых опытов⁶.

Вскоре он вошел в состав строительной комиссии по возведению собственных зданий университета. С этого момента главным делом его жизни становится забота о Физическом институте, строительство которого началось 30 апреля (13 мая) 1911 и завершилось в конце 1913 года⁷.

В Саратове Владимира Дмитриевича застали и революционные события 1917 года. Он с огромным воодушевлением встретил Февральскую революцию и падение самодержавного строя, но довольно прохладно отнесся к Октябрьскому перевороту. И все же, несмотря ни на что, он продолжал добросовестно исполнять свои обязанности. А став деканом открывшегося в Саратовском университете по решению Временного правительства физико-математического факультета, он старательно собирает научно-преподавательский состав: приглашает многих талантливых ученых – физиков и математиков, чьи имена затем широко прославили отечественную науку – С.А. Богуславского, И.И. Привалова, В.В. Голубкова.

28 сентября 1918 года В.Д. Зёрнов избирается ректором Саратовского университета. Период его ректорства, вывавший на исключительно тяжелые в организационном и хозяйственном отношении годы, протекал под нажимом местной администрации, слепо исполнявшей любые декреты, распоряжения и предписания новой власти. Но благодаря редкому умению искать и находить приемлемые компромиссы, с ролью ректора Владимир Дмитриевич, по признанию его коллег, «... справился с исключительным тактом и успехом...»⁸.

Неожиданную черту в деятельности В.Д. Зёрнова на посту профессора и ректора подвел его арест в марте 1921 года. Поводом для него послужило выступление ученого перед верующими в Александро-Невском соборе с лекцией на тему «Рассеяние энергии и разумное начало в мироздании», в которой он не скрывал своего положительного отношения к вере и религии. Не отрекся он от своих убеждений и после ареста. На допросе 31 марта 1921 года Владимир Дмитриевич открыто заявил: «Религию препятствием к осуществлению коммунизма не считаю, в том лишь случае, если ее понимать правильно, т.е. как усовершенствование личности. Религия связывает нравственность человека, а потому наука без религии однообразна и поведет к падению нравственного облика человечества»⁹.

Тем не менее он был заключен в тюрьму, потом переведен в Москву в

распоряжение ВЧК, где, к счастью, посредством вмешательства наркомов просвещения А.В. Луначарского и здравоохранения Н.А. Семашко его удалось освободить, но без права возвращения в Саратов.

Начинается второй период московской жизни и деятельности ученого. Как и раньше, он отдает всего себя любимому делу – преподаванию, стремясь поднять слушателей к вершинам научного познания, завораживая их своим интеллектом и обаянием. Один из его московских сослуживцев в сентябре 1936 года писал ему: «Под Вашим руководством каждый хотел быть лучше, чем он был в действительности. Хотелось работать, хотелось делать свою работу лучше, не считаясь с обстановкой; даже некоторые «хамствующие» люди стремились скрыть свое «хамство» – они хотя внешне вели себя культурно. Вы умели заставить людей стать выше своих личных интересов, себялюбия, оскорбленного самолюбия»¹⁰.

С весеннего полугодия 1924 года Владимир Дмитриевич заведовал кафедрой физики Московского института инженеров железнодорожного транспорта (МИИТ) и был по совместительству профессором Московского высшего технического училища им. Н.Э. Баумана (МВТУ). Тем не менее, по его собственному признанию, «удавалось кое-что делать и по научной части». К приоритетным направлениям данного периода следует прежде всего отнести его работу о табличном и механическом гармоническом анализе, коллективные исследования по вопросам звуко- и теплопроводности строительных материалов, а также внутреннему трению при крутильных колебаниях¹¹. В 1925–1928 годах В.Д. Зёрновым был подготовлен и издан вузовский учебник по физике («Конспект лекций по физике». Ч. 1–3), в январе 1938 года явившийся поводом для обвинения автора в приверженстве идеалистическому мировоззрению.

«В отношении увязки фактического физического материала, даваемого в книге, с основными положениями диалектического материализма, – говорилось в одной околонуучной рецензии на учебник, – следует констатировать, что по существу такой связи совершенно нет.

За исключением введения (3 страницы) в книге нигде более не встречается какого-либо методологического обобщения. Введение же составлено, по-видимому, с целью декларирования материалистических взглядов автора»¹².

Этот по сути дела прямой политический донос, направленный на дискредитацию чести и достоинства ученого, серьезных последствий для В.Д. Зёрнова, к счастью, не имел. Он по-прежнему продолжал заведовать кафедрой в МИИТе и читать лекции в МВТУ. В годы Великой Отечественной войны вместе с другими сотрудниками МИИТа был эвакуирован в Новосибирск, с ними же – возвратился в Москву. Но возраст и выпавшие на его долю тяжелые испытания давали о себе знать. 30 сентября 1946 года во время лекции в Баумановском институте В.Д. Зёрнову стало плохо. Не приходя в сознание, он скончался.

Таковы главные этапы жизненного пути В.Д. Зёрнова – талантливого и незаурядного человека, однажды посвятившего себя служению науке и просвещению и до последних дней не изменившего своему выбору.

После себя Владимир Дмитриевич оставил не только добрую и светлую память в сердцах знавших его людей, но и нечто более осязаемое – богатейший и удивительно разнообразный по содержанию личный архив, многие годы хранившийся у дочери ученого Марии Владимировны Зёрновой (1911–1993), которая незадолго до своей смерти передала его автору настоящей публикации для дальнейшего хранения и использования его материалов в научных целях.

Из множества уцелевших документальных свидетельств минувшей эпохи, имеющих большую историческую ценность, особенно выделяется в собрании эпистолярный архив ученого. Он насчитывает около тысячи единиц хранения (только одна частная переписка дореволюционной поры содержит 417 писем).

Вниманию читателей предлагается лишь малая толика бесценного сокровища – письма Владимира Дмитриевича, отправленные им из Саратова своей жене Екатерине Васильевне Зёрновой (1885–1959), нежно именуемой в посланиях Кисаной и Катенушкой. Написанные в период с 1909 по 1914 год, все они так или иначе освещают начальный этап становления Саратовского университета,

показывая его жизнь во всем многообразии. Настоящую публикацию эпистолярного наследия В.Д. Зёрнова открывают 18 писем, датируемые одним лишь 1909 годом – временем подготовки и проведения торжеств по случаю открытия в Саратове десятого русского университета. Отобранные письма не только характеризуют личность самого В.Д. Зёрнова, что само по себе тоже важно, поскольку позволяют судить о присущих русской интеллигенции типичных качествах – профессионализме, трудолюбию, чувстве ответственности за судьбу Родины и русского народа, высоких нравственных принципах и культурном уровне, разносторонности интересов и чистоте помыслов. Они содержат также сведения о событиях, связанных с историей Саратова и Саратовского университета, выступая в качестве ценнейшего источника для научных исследований этих проблем.

Знакомясь с зёрновским архивом – его мемуарами и особенно эпистолярным собранием (как точно подметил А.И. Герцен, «письма – больше, чем воспоминания, на них запеклась кровь событий, это само прошедшее, как оно было, задержанное и нетленное»¹³), убеждаешься в том, что предпраздничная атмосфера в Саратове отнюдь не была однозначно радужной. Организаторам и устроителям торжеств нередко приходилось выступать в несвойственной для них роли «мировых посредников», улаживая всевозможные конфликтные ситуации и приводя в чувство не в меру зарвавшихся подрядчиков.

Публикуемые письма полностью сохраняют стилистические особенности авторского изложения, донося до читателей дух исторической эпохи с ее нравами и обычаями. Имеющиеся в отдельных письмах купюры касаются сугубо личных аспектов и обуславливаются жесткими условиями передачи архива.

Вступительная статья, комментарии и подготовка писем к публикации В.А. Соломонова

¹ Любимов Н.А. Речь, произнесенная в заседании Совета Московского университета по случаю годовщины со дня смерти проф. Н.Е. Зёрнова, 1862 г. // Личный архив профессора В.Д. Зёрнова, входящий в состав Коллекции документов по истории Саратовского университета В.А. Соломонова (далее в ссылках указывается: Архив В.Д. Зёрнова).

² См.: Известия Имп. Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, состоящего при Московском университете. М., 1904. Т. CVII. Вып. II. С. 39.

³ На первом журнальном отгиске этой работы стоит, сделанная рукой П.Н. Лебедева, надпись-напутствие: «Поздравляю Вас с первым, самым важным шагом начинающего ученого. До сих пор Вы только брали – теперь сами даете. Помните добрый совет: работайте много, сколько можете, но печатайте только тогда, когда вполне разобрались в вопросе и излагайте только то, что важно узнать читателю-специалисту по данному вопросу. Чем короче и сжате статья – тем больше читателей, тем больше проку» (Архив В.Д. Зёрнова).

⁴ Там же.

⁵ ГАСО. Ф. 393. Оп. 1. Д. 837. Л. 3 об.

⁶ См.: Зёрнов В.Д. Записки русского интеллигента // Волга. 1993. № 11. С. 139–142.

⁷ Наглядной иллюстрацией к этому могут служить письма ученого. «Сегодня начали земляные работы по институту, – писал он жене 30 апреля 1911 г. – Я с Ваней и Ив<аном> Аф<анасьевичем> (И.М. Серебряковым и И.А. Чуевским. – В.С.) начинали. Землекопы, конечно, поздравляли с началом дела и получили на чай с меня и архитектора (Карла Людвиговича Мюфке (1863–1934). – В.С.). Начали стройку с первой весенней грозой и дождем. Мюфке говорит – это хорошо: «Святой водой начало работ окроплено». А в письме от 17 июня 1914 года он сообщает об окончательном завершении строительства: «Институт готов. Вот все, что мне надо. А институтом я очень доволен. Такой он симпатичный. Мне кажется, он симпатичнее всех зданий, или уж от того, что мой» (Архив В.Д. Зёрнова).

⁸ Там же.

⁹ Справка Управления КГБ СССР по Саратовской области № 4 от 9.10.1990 г. (Архив автора).

¹⁰ Архив В.Д. Зёрнова.

¹¹ См.: Зёрнов В.Д. Указ. соч. // Волга. 1994. № 7. С. 136.

¹² Архив В.Д. Зёрнова.

¹³ Герцен А.И. Собр. соч. в 30-ти томах. Т. VIII. С. 290.

Пишешь, и все кажется,
что не так далеко от тебя ...

В.Д. Зёрнов

23 июня <19>09 г.

Милая моя, сладкая Кисана! Не мог написать тебе вчера вечером, т.к. от устатку сделалась страшная мигрень. Теперь отдохнул и голова прошла. Вчера по приезде разыскал Мишу¹. Он был еще в правлении, а потом в 2 ч<аса> вместе с ним на его отличной квартире пообедали и отправились по городу. Я зашел сначала к Разумовскому², но его не застал. Потом прошел к зданию, отведенному под Университет; там идет деятельная работа и здание вообще очень хорошее³. Там нашел только рабочих и сторожа, который мне и показывал помещение.

Смотрели потом квартиры, но пока еще ничего вполне подходящего не нашли. Есть квартира в том же доме, где живет Миша, которая освободится в августе, но она маленькая – 4 маленьких комнаты. Просят 45 р<ублей> в месяц с отоплением. Может быть, на первое время остановиться на этом?

После двухчасового путешествия по квартирам Миша предложил пить чай на пароходе их дороги⁴, который каждый вечер ходит в виде прогулки верст 16 вниз по Волге и обратно. С нами был еще Мишин товарищ по службе, а на пароходе оказалось еще два новых профессора – анатомии и физиологии, последний назначен деканом⁵. Я познакомился с ними и [мы] условились сегодня встретиться в 11 ч<асов> в канцелярии Университета, где я и узнаю от ректора все интересующие меня сведения. В начале десятого вернулись домой – я сейчас же лег, а Миша еще некоторое время сидел у меня и рассказывал о своих делах. По карточке его невеста очень славная⁶.

Сейчас надо идти, сначала к Разумовскому, а потом в Университет. Господь над всеми вами. Целую тебя крепко. Поцелуй за меня папу, маму и Мику⁷.

¹ Полозов Михаил Александрович (1878–1930–е гг.), гимназический товарищ В.Д. Зёрнова. В описываемый период – начальник движения Рязано–Уральской железной дороги.

² Разумовский Василий Иванович (1857–1935), хирург, организатор и первый ректор Саратовского университета.

³ До введения в строй собственных учебных и научно–вспомогательных корпусов университет размещался в здании Саратовской фельдшерской школы, построенном в 1899 г. по проекту архитектора А.М. Салко (1838–1918), и находившемся на углу Большой Сергиевской и Никольской улиц (ныне – улиц Чернышевского и Радищева). Сейчас здесь размещается медицинский колледж.

⁴ Имеется в виду Рязано–Уральская железная дорога.

⁵ Позже, вспоминая об этой встрече, В.Д. Зёрнов писал: «На пароходе двое мужчин своим видом выделялись среди остальной публики. Один – довольно большого роста и профессорского вида. Другой – небольшой, в какой–то легкомысленной накидке, красном галстуке, увивался около видной, эффектной дамы. Полозов сказал мне, что это два новых профессора. Я тут же с ними познакомился: первый оказался профессором анатомии Николаем Григорьевичем Стадницким, второй – профессором физиологии Иваном Афанасьевичем Чуевским. Мои симпатии в тот вечер были на стороне профессора анатомии, но кажется, только на этот вечер.

Стадницкий оказался элементарным, я бы сказал, малопривычным и тупым человеком, а Иван Афанасьевич, несмотря на свою фривольную внешность и легкомысленное поведение, – очень милым и умным. Недаром В.И. Разумовский пригласил его занять должность декана медицинского факультета. Мы дружили с ним до самой его смерти, хотя я часто и подшучивал над его слабостями» (Зёрнов В.Д. Записки русского интеллигента // Волга. 1993. № 11. С. 138).

⁶ Полозова Клавдия Ивановна, жена М.А. Полозова. Первое впечатление оказалось ошибочным. Как вспоминал позже В.Д. Зёрнов, «... тяжелый характер жены Миши привел к тому, что в последние его годы мы перестали встречаться» (Зёрнов В.Д. Указ. соч. // Волга. 1994. № 7. С. 135).

⁷ Зёрнов Дмитрий Николаевич (1843–1917), анатом, профессор (с 1873), ректор (1898–1899) Московского университета. Отец В.Д. Зёрнова. Зёрнова (урожденная Машковцева) Мария Егоровна (1841–1913), мать В.Д. Зёрнова. Зёрнов Дмитрий Владимирович (1907–1971), сын ученого, ставший впоследствии крупным специалистом в области электроники, членом–корреспондентом АН СССР.

18 сент<ября> (вечер) <1909 г.>

Дорогая моя, золотая Катенушка! Как-то ты себя чувствуешь? Был ли Н.И.¹ и что сказал? Я доехал, как ты уже знаешь из телеграммы, хорошо. Квартира выглядит симпатично, хотя комнаты выглядят в обеих несколько мельче, чем казались вчерне. Ночую я сегодня у Полозовых, которые мне очень обрадовались. У них уже все устроено; обстановка очень хорошая, но, по-моему, все же не стоит тех денег, которые за нее заплачены. Они оба тебе кланяются.

По приезде я отправил Федора² на товарную станцию с накладными, а сам пошел в Университет. Федор получил вещи от Мюра и то, что отправлял Ступин. В Университете все еще не совсем готово, но несмотря на это, обещают закончить ко вторнику и во вторник будет молебен³. Завтра пошлю Федора за товаром «большой скорости», т.е. книгами и приборами от Трындина. Потом останется посылка Гарраха и Смирнова⁴. Завтра постараемся разобрать полученные вещи и, надеюсь, завтра же буду ночевать уже дома, т.к. кровать будет, а умываться пока можно и в кухне.

Ванну поставили очень хорошую с колонкой и душем. Ванна эмалированная, два крана – холодный и теплый. Нанял уже полотеров, которые придут в понедельник. У нас в гостиной, столовой и спальней [комнатах] паркет, а в кабинете и детской простой пол, покрытый линолеумом, в кухне асфальт крашенный. Кухня отличная. Федор с Матрешей⁵ очень довольны своей судьбой, т.к. до сих пор у них никакого дела не было. Службы еще не готовы, идет стройка и потому на дворе страшный беспорядок.

Обедал сегодня у Полозовых и пока так у них и буду обедать, только не знаю, как обставить плату. Вероятно, они не пожелают брать денег. Ну да это устроим как-нибудь.

Господь над всеми вами. Целую тебя, моя лапушка, Мику, папу и маму. Всех крепко-крепко. Прислуге поклонись.

¹ Побединский Николай Иванович (1861–1923), акушер, профессор Московского университета.

² Троицкий Федор Федосеевич (1883 – не ранее 1953), механик механической мастерской при Физическом институте Саратовского университета.

³ Первый молебен, по традиции совершавшийся перед началом нового учебного года, был отслужен в Саратовском университете 22 сентября 1909 г., после чего студенты и вольнослушатели, в числе 106 человек, вступили в аудиторию, чтобы представиться своим профессорам. А 23 сентября началось чтение лекций по всем предметам 1 курса медицинского факультета (анатомия, общая физиология с основами гистологии, физика, химия, зоология и ботаника).

⁴ Упоминаются торговые дома и магазины, осуществлявшие поставку учебного, научно-вспомогательного и технического оборудования в высшие учебные заведения.

⁵ Троицкая (урожденная Чувикова) Матрена Андреевна, жена Ф.Ф. Троицкого.

28 сент<ября> 1909 г.>

Катенушка моя ненаглядная! Сегодня получил два твоих письма от 25 и 26. Последнее неожиданно дошло на сутки раньше, верно, было раньше опущено. Милуша моя, ты говоришь, что может слишком много пишешь. Каждое слово лишнее мне от тебя сладко. Как жду каждый день писем! Все вы, милые, обо мне думаете и я все представляю, как устроимся мы, как спальню, как детскую устроим, как жить будем, как кабинет в спальню для родителей преобразуем – и все как будто выходит ничего – славно. Дал бы только Бог всем здоровья. Мика мой ненаглядный! Так бы всех поласкал. Ну, Бог даст, все хорошо будет.

Сегодня читал вторую лекцию два часа. Ничего, хорошо. Без опытов, совершенно серьезно и детально излагал чистую механику – слушали хорошо. Пока аудитория полна, что-то будет дальше. Относительно жалованья – это оказывается не прибавка, а только квартирные деньги вперед выдали¹. Сегодня в

11/2 ч. был Совет, просидели до пяти. Вообрази, из министерства пришла бумага с предложением выбрать трех выборщиков для избрания члена Госуд<арственного> Совета и послать их в Петербург – это из семи–то человек. Пришлось формально производить выборы, хотя имеющих право баллотироваться всего и есть только трое (ординарных), но всю процедуру честь честью проделали².

Вечером сегодня был у Полозовых. Там были Игнациусы³. Я тебе говорил о нем – это Мишин товарищ по службе. Они очень милые люди, а жена Игнациуса, кроме того, очень порядочная пианистка. Мы немного поиграли с ней. У Мишиной супруги рояль, но сама она что–то не решается к нему подходить. Просидели довольно долго. Завтра утром буду вешать занавески в гостиной. Карнизы готовы – липовые под красное дерево, сделаны довольно чисто. Столяр заклеил стол, но штапики у красной мебели не подклеил. Придется самому как–нибудь заняться. Господь над всеми вами. Целую тебя, моя лапушка, и Мику, и папу, и маму. Лене⁴ и всем домашним кланяюсь.

До свидания.

¹ Годовое денежное довольствие экстраординарного профессора, каковым являлся В.Д. Зёрнов, составляло: жалованье – 1600 руб., столовые – 200 руб., квартирные – 200 руб. Итого – 2000 руб. в год. В месяц же ученый получал 144 руб.

² Речь идет о распоряжении попечителя Казанского учебного округа от 22 сентября 1909 г. № 16995 об избрании от Императорского Саратовского университета выборщиков на съезд для выбора двух членов Государственного Совета взамен выбывших: Афанасьева – от Императорской Академии Наук и М.М. Ковалевского – от Императорских российских университетов. «Означенные выборы, – говорилось в обращении, – должны быть произведены с таким расчетом, чтобы выборщики могли прибыть в С.–Петербург на съезд<...> к 6–му октября, так как самый съезд назначается 8–го октября». После формальной процедуры выборов с участием всех семи первых профессоров Саратовского университета, на съезд были избраны ординарные профессора В.И. Разумовский, И.А. Чуевский и А.Я. Гордягин (ГАСО.Ф. 393. Оп. 1. Д. 31. Л. 1–2).

³ По–видимому, речь идет о семье управляющего Рязано–Уральской железной дороги инженера Игнациуса; дополнительные сведения неизвестны.

⁴ Власова Елена Васильевна (1887–1962), младшая сестра Е.В. Зёрновой.

30 сент<ября 1909 г.>

Золото мое, Катенушка! Сейчас получил твое письмо от 27. Ты плохо себя чувствуешь. Лапушка моя, как мне больно за тебя. Дай Бог тебе силы. Милая, надо бы еще Н.И. вызвать, чтобы он поясничку полегил.

Сегодня был у меня с визитом Разумовский; он очень ласков со мной и вообще, видимо, чудной души человек. Такой внимательный, такой деликатный и, вместе <с тем>, простой; остальные товарищи тоже в большей или меньшей степени симпатичны. Бируков¹ очень старается завязать хорошие отношения. Все говорит: ведь у нас много общего – мы ж москвичи. Он тоже ничего. Всех менее пока мне нравится анатом Стадницкий – похож на телка, хотя может быть и ничего.

Трындин не посылает второй транспорт до сих пор, а книги от Лидерта² 20–го высланы из Москвы (большой скоростью) и до сих пор не пришли, верно, куда–нибудь их заслали, не туда куда нужно. Из–за границы от Гугерсгофа тоже еще нет ничего. Вообще, такая канитель. Ты знаешь, товар от Александрово³ идет месяц.

Сегодня в Университете Разумовский знакомит меня с доктором Минхом⁴ – главным доктором городской больницы и директором фельдшерских курсов. Он обратился ко мне с просьбой от Совета курсов взять на себя лекции по физике в фельдшерской школе. Меня уже раньше предупреждали, что он будет просить. Я решил взять, т.к. 1) курс пустышный, 2) можно пользоваться отчасти их кабинетом и для Университета; курсы помещаются совсем рядом – по дороге от нас к Университету⁵. Лекции там по вечерам. Отвез сегодня В.Д. Белоговой⁶ немного нот, но там не оставался, спешил обедать.

Полозовы горничную выписали из Москвы – она раньше жила у жены Миши и оказалась из Саратовской губернии. Пойду вечером чай пить опять к Полозовым, благо Миша звал и сказал, что будут ждать, а то читать еще нечего, да и тоскливо одному в квартире сидеть. Мне каждый день носят «Русское слово»; я велел газетчику носить, так скорее газеты получают – на другой день, а если подписаться, то на сутки позднее будут доставлять.

После завтра здесь концерт Шалаяпина. К.И. Полозова взяла три билета – один на мою долю, но кажется, завтра приезжает ее брат и я, может быть, ему продам билет. <...> Я что-то каждый час стал ждать поездки в Москву, кажется, уж Бог знает сколько времени вас, милых, не видал. До сих пор не принесли из магазина качалку; ходил сегодня ругаться, говорят – непременно сегодня вечером доставят и вот опять нет.

Господь над тобой, мое солнышко. Крепко-крепко целую тебя и Мику. Маму и папу поцелуй за меня и всем домашним кланяйся. Ненагляднушка моя.

¹ Бируков Борис Ионович (1873–?), профессор по кафедре зоологии Саратовского университета, а до этого приват-доцент Московского университета. С 1922 года, когда он покинул Саратовский университет, его судьба теряется из виду. Правда, воспоминания проф. В.Д. Зёрнова дают основания предположить, что последние годы своей жизни он провел за рубежом в добровольной эмиграции (См.: Зёрнов В.Д. Указ. соч. // Волга. 1993. № 11. С. 139).

² «Книжный магазин и библиотека для чтения Н. Лидерга», находившийся в Москве на Петровских линиях.

³ Погранично-таможенный пункт, через который осуществлялась доставка научного и технического оборудования зарубежных производителей и посреднических фирм.

⁴ Минх Алексей Петрович (1866–1939), доктор медицины, старший врач городской больницы и заведующий женской фельдшерской школой в Саратове.

⁵ Фельдшерская школа, после размещения в ее здании университета, помещалась в доме Очкина по адресу: Малая Сергиевская улица (ныне – ул. Мичурина), д. 84. Сейчас в нем находится педагогическое училище.

⁶ Возможно, речь идет о жене Александра Евгеньевича Белогова, директора Саратовского 2-го реального училища

18 окт<ября 1909 г.>

Золото мое, лапушка моя, Катенушка! Доехал я отлично. Спал с десяти и до девяти. Тотчас же после приезда отправился в Университет и провозился там до половины пятого, сходил пообедать в ресторане и опять вернулся в Университет, приготовить к завтраму. Кончил только в восемь и пошел чай пить к Полозовым. Они были мне очень рады, поздравляли меня и тебя с Танюшей¹. Сейчас вернулся от них. Голубка моя, ты верно, уже слышала, как я на поезд чуть было не опоздал. Лошадь попалась, чисто блоха какая – трусит, а не с места. Рамок не взял, т.к. когда заехал, то они были еще не завернуты. Хозяин хотел было завернуть, да впопыхах разбил стекло на гобелене, ну я все и оставил. Завтра вышлю квитанцию заказным письмом. Может быть, Настасья², когда пойдет, получит (надо уплатить 7 р<ублей>). Полозовым подарок очень понравился. К<лавдии> И<вановне> больше всех гравюр нравится «Просветление». У них Октавия уходит. Являлась сегодня утром, когда я еще не приезжал, предлагать свои услуги, ну да, я думаю, это совсем не подходящее дело.

Как-то ты, моя маленькая, себя чувствуешь? Бог даст, когда это письмо получишь, можно уж привставать будет немного. Пиши милушка побольше о себе, Мике, Танюше, о всех домашних. Милушка моя, я сегодня плохо пишу – устал порядочно, надо поскорее спать ложиться. Целую тебя, моя радость, и всех моих милых.

¹ Талиева (урожденная Зёрнова) Татьяна Владимировна (1909–1989), дочь В.Д. Зёрнова.

² Настасья или, как еще ее называли все младшие в семье Зёрновых, «Кусенька» (1855–1928), прислуга; фамилия и отчество неизвестны.

2 октября ¹<1909 г.>

Голубка моя, дорогая Кисана! Получил сегодня твою открытку от 30-го. Слава Богу, что ты себя чувствуешь удовлетворительно. Дал бы Бог поскорее совсем оправиться. Читал сегодня лекцию в Университете. Потом зашел в правление – нужно было взять одну бумажку. Разумовский предложил остаться при обсуждении проекта здания анатомического института. Хотя это меня и не касается, но раз Разумовский предложил, мне надо было остаться. Просидели почти до двух. Утром получил папино заказное письмо. Ему напишу отдельно.

Ходил посмотреть залу Музыкального училища – очень хорошая зала и вообще здание чуть ли не лучшее в Саратове². Директор Экснер³ страшно рассьпается и любезничает. Завтра придется пойти с Чуевским туда же, чтобы выяснить, как расположить торжественное заседание – «акт» открытия, который будет в этом зале⁴. Обедал дома. Дуняша сварила отличные щи и очень вкусные капусташки сделала. На третье заказал блинчики и сказал, что буду их есть с вареньем. Она не поняла и взяла завернула варенье в блинчики, а т.к. варенье очень жидкое, то получилось что-то не особенно интересное. Ну да это ничего. Во всяком случае остальное кушанье было вкусно. Муж кухарки живет поваром у одного купца. Этот муж раньше очень пил, а теперь водку бросил, но у него делается тоска и Дуняша просит, чтобы я дал каких-нибудь капель. Я уверяю ее, что лечить не могу, но, по-видимому, она не особенно этому верит, говорит, что это все равно, что муж ее уверял, что капли, данные именно мною, ему помогут, и что к доктору он идти не хочет. Завтра спрошу кого-нибудь, какие бы капли ему дать.

Хотел перед чаем взять ванну и уже вымыл голову, но пришли Полозовы, так уже ванну буду брать на ночь, т.е. сейчас. Полозовы все зовут почаще ходить к ним обедать. Мне кажется, они еще не привыкли долго оставаться вдвоем. Ну, милушка, пойду в ванну.

Выкупался. Очень хорошо. Сидел в ванне и соображал, как тебя, милуша, буду в этой ванночке купать, какие надо усовершенствования сделать. Надо будет у Мюра циновку на пол купить. Да, маленькая, надо позаботиться о шторах в детскую – заказать у Мюра спускающиеся шторы из молбоскина с машинкой; такая штора стоит 3 р<убля> 75 к<опеек> их надо три. Ширина окна 27¹/₂ в<ершков>, само полотно шторы должно иметь 25 в<ершков> ширины и длины 3 арш<ина> 6 в<ершков> – это высота окна. Цвет реши сама. Милуша, подумай о переезде и напиши мне свои мысли. Спроси папу, когда назначен съезд, на какие числа?⁵ Голубка моя, ты, верно, уже спишь. Спи с Богом. Господь над всеми вами. Целую тебя, детей и папу с мамой.

¹ Описка; надо: ноября.

² Здание Саратовской государственной консерватории им. Л.В. Собинова (проспект Кирова, 1), построенное в 1902 г. по проекту архитектора А.Ю. Ягна под музыкальное училище, и переделанное в 1912 г., в связи с открытием в нем консерватории, архитектором С.А. Калистратовым в стиле псевдоготики (был надстроен четвертый этаж и закончено оформление фасада здания), до сих пор является одной из жемчужин архитектурного убранства города.

³ Экснер Станислав Каспарович, директор Саратовского музыкального училища (с 1912 г. – консерватории).

⁴ После более детального обсуждения данного вопроса, устроители торжеств вынуждены были все же отказаться от этого намерения. Уже 17 ноября «Саратовский вестник» известил горожан о том, что «праздновать акт решено в городском театре (ныне – Саратовский государственный академический театр оперы и балета им. Н.Г. Чернышевского. – В.С.). Вместо 2000 гостей на торжественный акт решено пригласить всего 1200, так как большего числа городской театр вместить не может». Окончательное же официальное решение о проведении торжественного заседания Совета Императорского Саратовского университета в помещении городского театра было принято в среду, 25 ноября 1909 г. (Саратовский вестник. 1909. 27 нояб. № 261).

⁵ Имеется в виду съезд естествоиспытателей и врачей, проводившийся в Москве с 28 декабря по 6 января 1909 г. В.Д. Зёрнов не только принимал участие в работе этого научного форума, но и был избран на последнем заседании его почетным председателем.

7 ноября <1909 г.>

Лапушка моя, Кисана! Сегодня получил два твоих письма от 4-го и 5-го. Золото мое, как мне тяжело за тебя и не могу тебе помочь. Сегодня смотрели квартиру с К<лавдией> И<вановой> и я решил взять ее. Хозяина не было дома, а я не мог еще раз попасть туда, т.к. днем был Совет, в 5 <часов> – лекция в школе; а вечером я хотел пойти на концерт в музыкальное училище – слушал 1 Тrio Аренского. Хорошо.

Я просил Бирукова дать задаток, на что дал ему 30 р<ублей>. Просил, чтобы квартиру считали за мной с 15 ноября. 1/2 месяца потеряю. Не знаю, согласился ли на это хозяин. Завтра узнаю.

Торжество назначено окончательно на 6 декабря. Ну до тех пор, Бог даст, увидимся. Господь над всеми вами. Целую тебя крепко, Мику – моего мальчика, Танюшу, папу и маму.

10 ноября <1909 г.>

Золото мое, ненаглядная Катенушка! Получил твое письмо от 8-го. Как грустно и тяжело без вас, главное – чувство полной невозможности помочь. Я так устал тоже. Теперь еще с этим торжеством хлопоты. Все разговоры, все трепка, беготня. И бесконечное количество людей, все новых и чужих. Есть и хорошие, и умные, но все чужие. Хотел написать открытку, т.к. хорошего письма не могу написать, да не нашел; не знаю, куда задевал. Сегодня подписал контракт на квартиру. Думаю в четверг переезжать.

Моему милomu, бедному мальчику скажи, что папа скучает без него. Голубка, до завтра. Спи с Богом. Господь над всеми вами. Целую тебя, моя детка, и всех.

Сегодня Танюше 4 недели. Поцелуй ее за меня. Гуляй моя лапка, и Мика бы побольше гулял, на нервы, может хорошо будет это действовать. Здесь проливной дождь сегодня весь день.

15 ноября <1909 г.>

Дорогие мои! Все еще не устроился, тем более, что, оказывается, паркет не протерт и еще, значит, будут работать паркетчики. С утра сегодня промучился с типографией по поводу исправления текста приглашений¹, потом хотел было отправиться к Белоговым, но вспомнил, что мне надо счета привести в порядок; отправился в Университет и провозился с этим до обеда. Обедал у Масленниковых², а после обеда отправился опять в Университет и готовил лекцию. Я очень устал от моей нескладной жизни и мечтаю, как побуду с вами, мои милые, и отдохну. Опять вешать и прибывать прямо нет охоты, тем более, что теперь Федора нет – он занят весь день. Хочу позвать обойщика, чтобы он сделал. Милые мои, теперь скоро увидимся. Пойду спать, а то совсем дремлю. Спите с Богом. Целую всех вас крепко.

¹ Речь идет об официальном именном приглашении на торжественные мероприятия по случаю открытия университета в Саратове, состоявшем из трех самостоятельных блоков: приглашительного текста, исчерпывающей программы празднества и текста кантаты, специально для этого случая написанной преподавателями Саратовского музыкального училища С.К. Эксером и М.Я. Горделем.

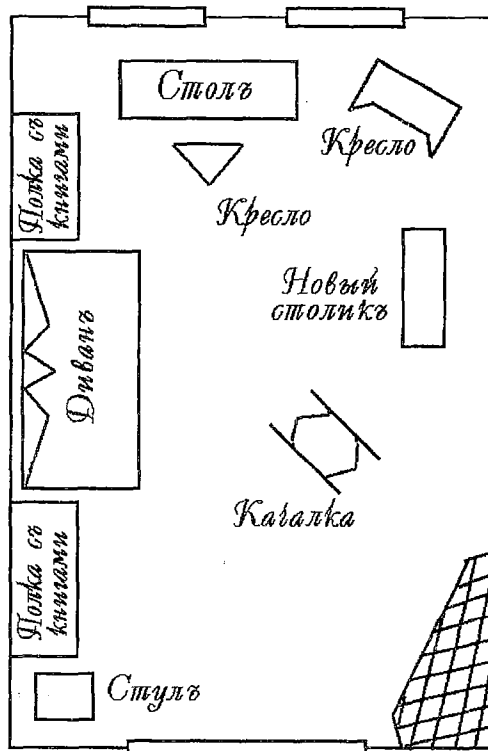
² Семья Александра Михайловича Масленникова (1858–?), известного саратовского адвоката, члена III Государственной Думы, после революции 1917 г. эмигрировавшего в Берлин, где и прожил последние годы. Его жена, Людмила Львовна, будучи ответственной вместе с В.Д. Зёрновым за устройство и проведение первого студенческого бала, намеченного на 7 декабря 1909 г. в залах коммерческого собрания (ныне – гарнизонный Дом офицеров), принимала самое деятельное участие в подготовке предстоящих университетских торжеств.

16 ноября <1909 г.>

Милая моя лапушка, дорогое солнышко, Катенушка! Когда получишь это письмо (если в среду), то останется три дня до моего приезда. Хоть бы как-нибудь перескочить эти дни, а то они что дальше, то медленнее двигаются. Завтра Бирукова¹ и Кл<авдия> Ив<ановна> уезжают в Москву. Миша едет позже и прямо в Питер, так что он в этот приезд к нам не зайдет, но К.И. хотела, если успеет, зайти одна. Может быть, в четверг зайдет.

Сегодня читал лекцию и на втором часу вижу, вошел пожилой человек и сел, слушает. Меня как-то это целый час смущало. Я думал – посторонний. Когда кончил, обратился к студентам и просил, чтобы никто посторонний без моего специального разрешения не приходил на лекцию. Хотя я и не указал ни на кого, но все догадались о ком речь, и говорят: «Это вольнослушатель». И он подошел и говорит, что будто вольнослушатель, но не бывал на лекциях, т.к. находился на какой-то службе. Может и врет, ну да все равно, но мне досадно на себя, что такой пустяк мешал мне читать. На этой неделе придется много читать. В среду от 9 до 10 – семинарий и от 5 до 7 – школа, в четверг от 12 до 2 – лекция (вместо 23-го) и в пятницу – от 9 до 11. Потом получу жалованье, рассчитаюсь и поеду к вам, мои милые, хорошие. Я очень доволен и благодарен милой маме, что шубу тебя уговорила делать. Хорошо, что у хорошего портного.

Я Танюшу-то наверно, и не узнаю. Она совсем уж большая стала. Как-то заходил спросить насчет цветов. Здесь можно будет купить и не дорого. Поставим в гостиной. Я думаю, твой письменный стол не поставить ли в запасной – это будет твой кабинетик, а когда мама придет – ее спальня. Сегодня я немного убрал свой кабинет. Изображу тебе как расставил:

Занавески не буду вешать до твоего приезда. Повесил вешалку, зеркало и лампу в передней. В нее выходит пять дверей. Ну, спи с Богом. Господь над всеми вами. Целую тебя, моя лапка, детей и папу с мамой.

¹ Бирукова (урожденная Остроумова) Инна Александровна, жена профессора Б.И. Бирукова. Позже, в своих «Записках», В.Д. Зёрнов создаст небольшой, но довольно яркий ее личный портрет: «В Саратов Борис Ионович приехал с женой и двумя мальчиками. Женат он был на дочери московского парфюмерного фабриканта Остроумова – Инне Александровне; она была очень приветливая, хорошенькая, но простоватенькая, гостеприимная хозяйка, любившая хорошо угощать. <...> На вечерах Инна Александровна блистала «приданными» бриллиантами.

Позднее семейство это распалось. Инна Александровна – то ли во время войны 1914-го года, то ли в начале революции уехала к родителям и больше к мужу не возвращалась, а Борис Ионович сбежал за границу», прихватив с собой бриллианты жены (Зёрнов В.Д. Указ. соч. // Волга. 1993. № 11. С. 139).

30 ноября, 6 часов, 1909 г. >

Золото мое ненаглядное, сладкая моя Катенушка! Получил сегодня два твоих письма (12 часов). Начал писать тебе после обеда, а продолжаю совсем уже поздно, т.к. сначала пришел мой будущий лаборант Забаровский¹ – он мне очень нравится и мне кажется, что как лаборант он будет удобен. В пятницу или в четверг будет Совет, я сделаю о нем заявление. Просидел он до половины девятого, а потом я отправился со скрижкой к одной преподавательнице музыки, с которой меня познакомил Чуевский. Играли твою любимую сонату Грига, первые две части концерта Вьетана, Соловья и еще мелочь². Это очень хорошая пианистка и к тому же очень простая, без претензий. Ты будешь довольна этой музыкой. Теперь бы виолончелиста потверже. Пианистка обещала достать.

Милушка моя, если няньки расклеятся, не привезти ли Дуняшу на Рождество, ведь здесь – то она даром деньги будет получать. Только она далеко не так эффектна, как Марта. Одета плоховато, а как человек, мне кажется, порядочный. Ты меня очень порадовала известием, что Мика себя ведет хорошо. Дал бы Бог, чтобы это наладилось. Слава Богу тоже, что маме лучше.

Хотелось бы к папиному приезду немного квартиру образить – занавески хоть повесить, но с другой стороны, что же они будут на Рождество – то пылиться только. Рецепт крахмаленя очень сложный. Я завтра попрошу Дуняшу продиктовать (теперь она спит). Она кладет кроме тальки еще стеарину и магнезии, а по сколько, не знаю. Давал ей денег купить утюг, но она ходила и не решилась, т.к. утюги (я заказывал с отъемной ручкой) продают только комплектом в три штуки разных размеров и стоит это удовольствие с лишним четыре рубля. Я думаю, все – таки надо купить, т.к. Дуняша охотится гладить и говорит, что для разного белья надо и различные утюги. Пока она гладила мне рубашки своим старым утюгом, но говорит, что он плох. Ну, милуша, пойду спать. Спи с Богом. Целую тебя, детей, папу и маму. Господь над вами.

Что это ты, голубка, об бюсте Ломоносова³ ничего не пишешь, и от папы ничего не получаю?

¹ Забаровский Владимир Алексеевич (1876–1911), преподаватель физики и математики в Саратовском 2-ом реальном училище и одновременно лаборант при кафедре Саратовского университета.

Еще раньше, 28 ноября 1909 г., ученый писал о нем жене: «... сегодня в Университет ко мне приходил один мой университетский товарищ. Он здесь преподавателем в реальном училище. Преподает математику и физику. Я помню его, как очень симпатичного малого и слышал еще от Белогова, что он здесь. Тогда еще мне подумалось – не предложить ли ему лаборантство, но тогда я не знал, что у меня есть еще свободная вакансия лаборанта. Теперь же, узнав, что вакансия имеется, я ему это предложил. Он очень охотится, а мне это будет облегчением, т.к. если бы я пригласил кого – нибудь из Москвы, то, во – первых, мне пришлось бы его здесь устроить, т.е. искать ему уроков, а этот устроен. А во – вторых, найти подходящего и в Москве не легко. Те, кого бы я взял – не пойдут, а кто бы пошел, того, может быть, я бы не взял».

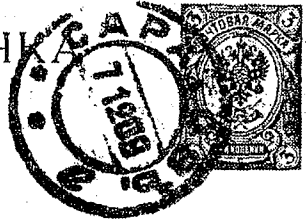
² Стремление как можно глубже и всесторонне разобраться в физике звука вызывалось в жизни ученого двумя основными причинами: приверженностью науке и преклонением перед искусством. «Эта область – подчеркивал профессор Московского университета А.К. Тимирязев (1880–1955), знавший Зёрнова по совместной работе в «Лебедевском подвале», – была особенно ему по душе – она соединила в одно стройное целое его увлечение физикой с его стремлением к искусству – к музыке. Он был не только физиком, но и художником, большим знатоком музыки и прекрасным исполнителем» (архив автора).

Наука и музыка – вот те два божества, на которых основывалось миропонимание ученого, которые скрашивали его жизнь, помогая с честью выдержать любые испытания. Его исполнительскому мастерству игры на скрипке могли бы позавидовать многие профессиональные музыканты. И сам Владимир Дмитриевич, ученик таких прославленных музыкантов, как Карл Антонович Кларот (1828–1912) и Иван Войцехович Гржимали (1844–1915), мог бы стать профессиональным артистом. Судьба же распорядилась по – своему. Артистом он не стал, но, по его собственному признанию, «моя причастность к искусству играла во всю мою жизнь, и сейчас играет, большую роль» (Зёрнов В.Д. Указ. соч. // Волга. 1993. № 8. С. 127).

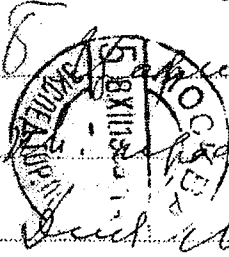
³ Бюст М.В. Ломоносова был официально заказан университетом с целью установки его, как символа российской университетской науки, вместе с бюстом выдающегося хирурга Н.И. Пирогова на сцене городского театра во время проведения там торжественного заседания Совета Саратовского университета.

ПОЧТОВАЯ КАРТОЧКА

г. Москва

г. Кисловодск

В. Д. Зёрнов и Е. В. Зёрновой

6 декабря.

Завалы мои милые! Снасть
 же предвзвешен. Ошибки
 марксовские, но очень давно,
 усталые к. ст. озер. Связь
 из телеграф. посл. Дипломат
 телеграфу Ледову П. К., казначей
 приедет кент казначейств. Моск
 рд. шавин. Моск. посл. шавин
 ед. казначей. Ут. Луко. Вал. Моск. Зорнов
 и ред. милые. Вал. Келер

Факсимиле письма В. Д. Зёрнова Е. В. Зёрновой от 6 декабря 1909 года

1 декабря <1909 г.>

Дорогие мои! Пищу дорогие, т.к. письмо получите, верно, когда папа уже будет в дороге. Милые мои, хорошие, надо бы девку—то в кожную клинику спослать, а то, правда, не известно, что за экзема у нее. Да и вообще, с экземой не складно при ребенке держать. Дуняша с удовольствием готова ехать на Рождество в Москву. Только не знаю, превращать ли ее окончательно в няньки. Она, правда, детей, видимо, любит, по крайней мере со своими очень нежно обращается. Но это самое количество детей может служить минусом для няньки. Во всяком случае, временно для переезда, и здесь на первое время, она вполне удобна.

Она жила у Беклемишевых, которые теперь живут в Москве на Тверской. Мне кажется, что у Насти есть какое—то там знакомство. Помнится, масло какое—то у них покупали. Можно об ней справиться еще и там.

Сегодня в университете фотограф снимал группу профессоров одних и общую группу профессоров со студентами — всего человек около ста¹. Вчера снимал меня фотограф (просил «сделать честь его фотографии»). Наверное, сдерет за фотографию с редакций, которые выпускают иллюстрированные приложения. Вышло грубовато, но, мне кажется, похоже². Все готовятся, все волнуются. Студенты каждый день находят новые поводы обижаться. Сегодня на меня обиделись (теперь, кажется, это прошло). Дело в том, что они заказали жетоны в память открытия, и дали на клочке бумажки заказ, но без задатка. Гравер обратился ко мне с вопросом: действительна ли эта бумажка, и можно ли что по ней получить? Я сказал, что получить ничего нельзя. Спрашивает — не поручусь ли я за студентов? Говорю — нет. Понятно ведь, коли они не заплатят, как же я буду отвечать. Ну, да это все недоразумение на два часа³.

Господь над всеми вами. Спите с Богом. Целую вас и детей.

¹ Указанные фотосъемки производил известный саратовский фотограф Н. Гольдберг. Выполненные им в дни торжественного открытия Саратовского университета фотоработы сохранились и в настоящее время находятся в фондах отдела редких книг Зональной научной библиотеки Саратовского университета.

² Этот снимок был сделан в фотостудии С. Глушенко. Данная работа в настоящее время хранится в личном архиве В.Д. Зёрнова у автора публикации.

³ Речь идет о предпринятой саратовским студенчеством еще в ноябре 1909 г. попытке выпустить по случаю торжественного открытия Саратовского университета памятный серебряный жетон, сбор от продажи которого должен был поступить в общую кассу первого студенческого бала—концерта. Из газетных сообщений известно, что выполненный по проекту студента Саратовского университета А.Н. Трегубова жетон имел следующий вид: «На одной стороне жетона будет изображен орел (времен Петра I), обнимающий крыльями края жетона (орел — эмблема России, охраняющий крыльями новую Alma mater), со щитом на груди с инициалами Государя Императора. На этой же стороне: герб Саратова в лавровом венке, кругом же надпись: «В память открытия Императорского Саратовского университета». Внизу — дата Высочайшего рескрипта (10 июня 1909 г.) об открытии университета.

Обратная сторона: тот же орел на жетоне, чаща с двумя змеями, извивающимися в лавровом венке; середину занимает год и число торжества: 16—XI 1909 г.» (Саратовский вестник. 1909. 13 нояб. № 250; 12 нояб. № 249).

Однако, из—за переноса тогда дня официального открытия университета на 6—ое декабря, выпустить означенные жетоны не удалось. До сих пор также неизвестно, были ли они изготовлены позже. Зато известно достоверно, что желая увековечить торжество открытия нового университета, Совет постановил вычеканить в память этого события медаль. Эскиз медали был выполнен профессором Дмитрием Васильевичем Айналовым (1862—1939), а непосредственное выполнение заказа было поручено художнику—медальеру С.—Петербургского Монетного Двора Петру Григорьевичу Стадницкому (1853—?). Всего было заказано и изготовлено 865 медалей — две золотых, поднесенных позже императору Николаю II и Председателю Совета Министров П.А. Столыпину, 115 серебряных и 550 бронзовых, на что истрачено было в общей сумме 2839 рублей 50 копеек, не считая оплаты за пересылку и стоимости эскиза медали (450 руб.).

3-го декабря <1909 г.>

Дорогие мои, золотые! Получил сегодня телеграмму от папы. Завтра отправляюсь его встречать¹. Завтра же, но с дневным поездом, приезжает Серебряков² с жидким воздухом. Придется завтра днем устроить демонстрацию. Я рад, что вы побывали на Щепотьевском вечере и это доставило вам удовольствие. Теперь скоро увидимся, хотя, думаю, что с папой мне не удастся вернуться. Придется задержаться, все в порядок привести, устроить денежные дела лаборатории, провести лаборанта через Совет. И, может быть, одну лекцию прочесть.

Разумовский умильно просит купить форменную фуражку для встречи министра³. Так мне не хочется это делать, но очень уж старик просит, – для него придется сделать. Просил тоже для министра жидкого воздуха оставить, не знаю уж, удастся ли это сделать, ведь воздух быстро испаряется.

Разумовского совершенно замотали и он имеет совсем растерянный вид. Секретарь Совета⁴ говорит, что проклинает тот день, когда родился. Целый день пристают к ним то репортеры, то разные обыватели, то полоторы, то драшировщики. Я сегодня чуть не побил одного жида, который взялся делать жетоны в память открытия и клялся, что сам это дело знает и сделает, даже образцы показывал. Я уже несколько дней тому назад требовал, чтобы он показал свою работу – он все отвиливал, а сегодня признался, что заказал в Москве. Я потребовал, чтобы он показал, по крайней мере, извещение из Москвы. Действительно, дал мне письмо, где написано, что в Москве жетоны делают, но будут готовы только 10-го. Ну, тут уж я его и отделал. Он клянется, что послал телеграмму и что жетоны придут вовремя. Я в конце притащил его в канцелярию и заставил написать расписку, что если вовремя не доставит, то возвратит тройной задаток – 150 р<ублей>. Конечно, взять с него нечего, но по крайней мере страху он натерпелся.

Гостей будет много, боюсь, что акт очень затянут. Две речи, да масса приветствий. Большинство адресов будут читать. Кажется, ректор с деканом длинные речи приготовили⁵. Не умеют все-таки русские торжества устраивать. Я рассказывал, как в Кембридже депутации принимали⁶. Ну, да куда тут. У нас так нельзя – обиды пойдут. А в конце выйдет Демьянова уха. Хорошо, что депутация от Моск<овского> Унив<ерситета> в самом начале.

Ну, Господь над вами. Спите с Богом. Целую крепко вас и ребят.

¹ Являясь деканом медицинского факультета Московского университета, Д.Н. Зёрнов вместе с ректором А.А. Мануйловым представлял официальную делегацию от старейшего русского университета, направленную в Саратов для приветствия своего младшего собрата.

² Серебряков Иван Максимович (1888–1918), лекционный ассистент В.Д. Зёрнова, работавший с ним в Физическом институте Саратовского университета.

³ Предполагаемое участие в торжествах министра народного просвещения Александра Николаевича Шварца (1843–1915) не состоялось. Открытие Саратовского университета министр приветствовал телеграммой, в которой выражал надежду на то, что вновь открываемый «светоч знания» послужит, «... говоря словами великого Ломоносова, «к приращению наук», следовательно – к истинной пользе и славе отечества» (Чуевский И.А. Торжество открытия Императорского Николаевского университета в г. Саратове 1909 г. 6 декабря. Саратов, 1910. С. 37).

⁴ Купцов Сергей Ильич (1868–?), секретарь Совета и Правления Саратовского университета (1909–1918); до назначения в Саратов занимал ту же должность в Казанском университете.

⁵ Имеются в виду произнесенные ректором университета В.И. Разумовским и деканом медицинского факультета И.А. Чуевским актовые речи, соответственно имевшие названия: «К истории университетов и медицинских факультетов» и «К истории Императорского Николаевского Университета». Обе эти речи были опубликованы в специальном выпуске «Известий Императорского Николаевского университета» (См.: Чуевский И.А. Указ. соч.)

После завершения торжественных мероприятий в университетскую библиотеку на вечное хранение было передано 163 адреса и 669 приветствий, поднесенных Саратовскому университету 6 декабря 1909 года (ГАСО. Ф. 393. Оп. 1. Д. 27. Л. 351).

⁶ Во время своего посещения в 1909 г. Кембриджа, В.Д. Зёрнов присутствовал на торжественном заседании Совета Физического института, посвященном чествованию 100-летия со дня рождения Ч. Дарвина. Вспоминая о том, как проходило торжество, он впоследствии писал: «Речи произносили только трое: представители Германии, Соединенных Штатов Америки и Франции.

Остальных представителей вызывал главный секретарь к эстраде. Те подходили к «амвону» и подносили папку или свиток с адресом. Другой секретарь, стоявший у трона, принимал адреса, а Рэлей делал лишь маленький поклон» (Зёрнов В.Д. Указ. соч. // Волга. 1993. № 10. С. 117).

4 декабря <1909 г.>

Дорогие мои, золотые! Папа приехал. Встретили его почетно. Ректор поехал специально его встречать, как представителя старейшего Университета и как самого заслуженного гостя из медицинского мира – так Разумовский формулировал мне свое желание приехать встретить папу. Конечно, мне такое внимание к папе доставляет глубокое удовлетворение. Видимо, и папе было приятно. Он приехал в очень хорошем расположении духа. Квартира ему очень понравилась, и это мне тоже приятно. Теперь папа уже лег спать – он захотел лечь в кабинете, хотя я и предлагал ему спальню.

Сегодня приехало уже порядочно гостей. Был в Университете попечитель Деревицкий, ректор Казанского Университета, из Харькова несколько человек. Завтра поеду встречать Мануйлова, Боргмана и М. Ковалевского¹. Завтра в 3 часа начинается торжество панихидой по деятелям умершим, которые способствовали возникновению Саратовского Университета². Пришлось так рано начать, т.к. в 4 часа уже начинается церковный день 6-го дек<абря>, т.е. царский день и панихиду служить нельзя³. На улицах везде идут приготовления – флаги вешают, гирлянды из зелени, ковры⁴. Вечером 6-го будет иллюминация. С жидким воздухом я прогорел. Трындин дал такой сосуд, что все три литра испарились в течение нескольких часов, и в Саратов сосуд пришел совершенно пустым. Виноват, конечно, Трындин, что отпускает негодные приборы. Постараюсь взыскать с него убыток. Напишу сейчас же ему письмо.

Господь над вами, мои хорошие. Крепко вас целую. Ребятишек моих сладких поцелуйте.

¹ Деревицкий Алексей Николаевич (1859-?), историк, попечитель Казанского учебного округа, в ведении которого находился Саратовский университет; в торжественные дни официально представлял министра народного просвещения. Александров Александр Иванович (1861–1918), н. о. ректора Казанского университета. В депутацию от Харьковского университета входили: Багалеи Дмитрий Иванович (1857–1932), ректор, профессор русской истории и Кузнецов Александр Харитонович, декан медицинского факультета. Мануйлов Александр Аполлонович (1861–1929), экономист, профессор и ректор (1908–1914) Московского университета, министр народного просвещения Временного правительства. Боргман Иван Иванович (1849–1914), физик, ректор С.-Петербургского университета. Ковалевский Максим Максимович (1851–1916), профессор Московского и Петербургского университетов, академик, член 1 Государственной Думы и Государственного Совета. Во время обсуждения в Гос. Совете законопроекта об открытии в Саратове нового университета являлся одним из его основных докладчиков. Присутствовать же лично на торжествах его открытия в декабре 1909 г. не смог, ограничившись посылкой приветственной телеграммы (см.: Чуевский И.А. Указ. соч. С. 139).

² Среди поминаемых деятелей, способствовавших делу возникновения на саратовской земле нового «рассадника знаний», назывались имена А.Н. Радищева, А.Н. Пыпина, Д.Л. Мордовцева, представителей дворянства, земства и духовенства (см. подробно: Чуевский И.А. Указ. соч. С. 29–30).

³ Согласно церковному календарю, 6 (19) декабря отмечается день Святого Николая Чудотворца, помогающего, по мнению верующих, в благоустройстве жизни, в избавлении от разных бед и печалей. Весь христианский мир почитает Св. Николая так же как главного покровителя путешествующих, особенно плавающих по водам. Этот церковный праздник назывался еще «царским днем», поскольку 6 декабря отмечалось тезоименитство императора Николая II.

⁴ Отмечая праздничное убранство Саратова в дни проведения торжественных мероприятий, М.В. Казанский, участвовавший в них в качестве гостя, писал: «Город разукрасился: улицы, особенно главные, дома, магазины, театры, рестораны, кинематографы, здания различных учреждений и т.д. запестрели разноцветными флагами, цветными лентами, щитами, транспарантами, вензелями, гербами <...> – у входа в здание университета, украшенное флагами и декорированное зеленью, поставлены были два знамени университетского, голубого, цвета с желтыми гербами. Стоящие по середине улицы, трамвайные столбы украшены были флагами, с коронами и инициалами Императорского Саратовского университета вверху. По пути имевшего быть шествия торжественной процессии из собора к месту закладки зданий университета расставлены были обтянутые разноцветной материей колонны с двуглавыми бронзовыми орлами наверху.

За лучшее украшение домов и за более эффектную иллюминацию в день университетского торжества, по сообщению газет, – заключал автор, – назначены были три бронзовые медали» (Казанский М.В. О торжестве открытия Саратовского университета 6–го декабря 1909 года. Казань, 1910. С. 6–7. См. также: Саратовский листок. 1909. 4 декабря. № 272).

5 декабря <1909 г.>

Дорогие мои, милые! Ну, торжества начались. Целый день метался по городу и проездил, кажется, рублей пять. Был только на панихиде, а во время всенощной надо было депутацию из Праги встречать¹, да еще дела с концертом улаживать. Устал и в голове сумбур². Описывать уже не буду, когда приеду, все расскажу. Мне очень приятно, что папе, кажется, все нравится и он в хорошем расположении духа.

Пойду спать, а то завтра с раннего утра и до вечера придется на ногах быть. Господь над вами, мои дорогие. Крепко вас целую и маленьких моих ребят.

¹ Чешский университет в Праге на торжествах в Саратове представлял профессор истории права Карел Кадлец (Колдец) (1865–1928).

² Характеризуя позже свое душевное состояние в те дни, В.Д. Зёрнов признавался: «И в конце концов я потерял способность ориентироваться, что нужно делать, а что нет<...>. И тем не менее обстановка вокруг была радостной, печалило лишь – не было со мной моей Катенушки» (Зёрнов В.Д. Указ. соч. // Волга. 1993. № 11. С. 147–148).

6 декабря <1909 г.>

Дорогие мои, милые! Спасибо за приветствие. Открывали торжественно, но очень долго. Устали все очень. Сейчас пишу из телеграфного отделения. Отправляя телеграмму Лебедеву П.Н.¹, который прислал мне поздравление². Такой он славный. Так меня трогает его внимание.

Целую вас, мои дорогие, и ребятешек.

¹ Лебедев Петр Николаевич (1866–1912), профессор Московского университета, основатель и руководитель первой русской школы физиков. Под его руководством В.Д. Зёрнов, будучи студентом физико-математического факультета Московского университета, приступил к своим первым экспериментальным исследованиям в области акустики, затем подготовил и защитил магистерскую диссертацию. П.Н. Лебедев принимал также деятельное участие в проектировании и оснащении необходимым оборудованием Физического института Саратовского университета – богатый жизненный и научный опыт учителя в этом вопросе для В.Д. Зёрнова имел первостепенное значение.

² Имеется в виду телеграмма П.Н. Лебедева следующего содержания: «Университет. Профессору Владимиру Дмитриевичу Зёрнову. Приветствую нарождающийся Физический институт. Желаю ему расти большим, иметь силы, много успешно работать. Лебедев» (Подлинник телеграммы хранится на кафедре общей физики Саратовского университета).

8 декабря <1909 г.>

Дорогие мои! Вчера не писал, т.к. день был сумасшедший – гости в здании Университета, потом обед в думе и вечер¹. Все прошло очень хорошо. Рассказывать буду уж сам, да и папа порасскажет. Домой пришел в шестом часу. Танцы были запрещены по случаю траура². Ночь просидели со студентами, которые бесконечно пели *Gaudeamus* и каждый раз при словах *Vivat professores* – устраивали гвалт в знак овации нам, качали, опять пели и опять качали. Ну, да все расскажу. Сбор с концерта по Саратову громадный – валового свыше 4200 рублей, так что чистого во всяком случае больше 3000³. Расходы все еще не выяснили, но, конечно, они не больше 1000. Сегодня провожали самых почетных гостей. Были почти все профессора и много студентов. Завтра придется ездить благодарить участвовавших. Думаю я, что мне не удастся выехать раньше субботы. Ну, теперь уж не долго. Я рад, что наконец эти торжества прошли и прошли в общем удачно. Теперь поскорее бы устроиться с вами, мои хорошие, и жить настоящей тихой жизнью.

Получил на днях от Миши письмо из Питера, но еще не отвечал. Он очень интересуется – какое впечатление произвела на вас его супруга. Завтра, думаю я, выяснится вопрос, будут ли читать лекции или нет. Если да, то мне придется в пятницу прочесть, а в субботу, вероятно, будет Совет. Вот почему я и думаю, что до субботы не выберусь. Ну, Господь над вами. Спите с Богом. Целую крепко вас и ребятшек.

¹ С утра 7 декабря для гостей были открыты все «университетские помещения, кабинеты и аудитории, которые показывались почтенными профессорами Саратовского университета с большим вниманием их к посетителям и любезностью». В актовом зале была устроена «выставка подношений – адресов, различных книг, изданий в ценных переплетах в дар библиотеке, фотографии торжеств (дар местных фотографов), груды телеграмм». (Казанский М.В. Указ. соч. С. 34; Чуевский И.А. Указ. соч. С. 48).

В четыре часа дня в здании Городской думы был дан обед, устроенный Саратовским городским общественным управлением. На нем присутствовало 250 гостей (по другим сведениям – 182) – депутаты от университетов, других высших учебных заведений и учреждений, представители администрации. Кроме этого накануне через фельдшерский персонал медико-санитарного бюро было выдано для бедных 1350 билетов на сорокакопеечные бесплатные обеды.

Завершился день в залах Коммерческого собрания, где состоялся первый бал-концерт в пользу малообеспеченных студентов.

² Намечавшиеся танцы были запрещены по указанию саратовского губернатора графа Сергея Сергеевича Татищева (1872–1915) в виду объявленного с стране траура по случаю кончины старейшего представителя Дома Романовых – великого князя Михаила Николаевича (1832–1909). По этой причине студенческий бал ограничился лишь концертом, на котором звучала музыка Глазунова, Римского-Корсакова, Аренского, Чайковского, Сен-Санса, Глинки и др.

³ За вычетом понесенных расходов на организацию и проведение вечера, в кассу Правления Саратовского университета поступило около 3350 рублей чистого дохода (См.: Чуевский И.А. Указ. соч. С. 54).

10 декабря (утро) <1909 г.>

Золото мое ненаглядно, ясная моя звездочка, ненаглядная моя Катенушка! Вчера вечером не написал – играл у Овсянничких и поздно вернулся. Голубка моя, вслед за этим письмом сам приеду. Счастье мое, как хочется тебя приласкать, крепко-крепко. Лапка, приеду в воскресенье, т.к. в субботу Совет в 1 час – надо быть непременно. Будем собираться, как хорошо с тобой – то будет ехать. Милая, золото, спасибо, что маму уговорила ехать с нами. Наш отъезд от этого будет легче, да и ей приятно будет пожить у нас и помочь нам устроиться.

Миша Масленников (он очень славный парень) говорил: «Знаете, Владимир Дмитриевич, кому я завидовал на акте?». Я спрашиваю – кому? «Вашему отцу (т.е. папе). Наверно, – говорит, – большое удовольствие видеть своего сына профессором».

Вчера лекции не состоялись. Чуевский совершенно охрип и не мог читать, а на лекцию Гордягина¹ никто не пришел. Посмотрим, что будет сегодня, если никого опять не будет, то не буду и готовить лекцию. Вчера на курсах не стал читать – такую мысленную усталость чувствовал, что не мог себя заставить приготовить лекцию, да там и большинство уже кончили лекции. Голубка, вчера без марки послал письмо – не было дома марок. Сейчас пойду в Университет и по дороге куплю марку, и письмо опущу.

Вчера к вечеру пошел дождь, а потом снег. Телефонные проволоки так обледенели, что в некоторых местах все порвались и висят, как сеть. Господь над тобой, мое счастье. Теперь скоро я тебя поцелую, приласкаю, возьму на ручки и поняньчаю. Радость моя, не дождусь скоро ли воскресенье. Только бы Бог нам всем дал здоровья. Лапка моя, Кисана! Целую тебя крепко, крепко. Поцелуй папу, маму и малышей наших.

¹ Гордягин Андрей Яковлевич (1865–1932), ботаник, профессор Саратовского (1909–1914) и Казанского (с 1914) университетов, член-корреспондент АН СССР (1929).

**PROFESSOR V.D. ZERNOV LETTERS
OF THE PERIOD OF FOUNDATION
AND DEVELOPMENT OF SARATOV UNIVERSITY**

In the article the basic life stages of V.D. Zernov, Doctor of Physics and Mathematics, one of the first professors of Saratov University, opened in 1909, are briefly covered. The article opens the first publication of V.D. Zernov letters, concerning the events of the period of Saratov University foundation.

The introductory article, comments and preparation of the texts for publication are made by V.A. Solomonov.

Соломонов Владимир Анатольевич – родился в 1962 году в Балашове Саратовской области. Окончив исторический факультет СГУ (1989), работал в Саратовском государственном техническом университете. В настоящее время – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России СГУ. Автор более 20 печатных работ по истории высшего университетского образования в России, специалист по вопросам дореволюционной истории Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, активно занимающийся в этой области сбором и публикацией первоисточников.